

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В «ТРЯСИНЕ» ВЕДОМСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ, ИЛИ ПЕЧАЛЬНАЯ СУДЬБА ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЗВЕДОЧНОГО БЮРО

Аннотация. 1910 г. стал для Российской империи своеобразным рубежом, после которого на самом высоком государственном уровне стали очень серьезно относиться к «пробуждению Востока». Наблюдения и сбор информации об общественных настроениях мусульман не только в пределах самой империи, но и в ее среднеазиатских протекторатах (Бухаре и Хиве) и даже за ее пределами (в Персии, Афганистане и Кашгаре) становится важнейшей политической задачей. И если мониторинг ситуации внутри империи возлагался на МВД, в Бухаре и Хиве, а тем более в Персии, Афганистане и Кашгаре этим должен был заниматься МИД. При этом руководство Туркестанским генерал-губернаторством осуществлялось военным министерством.

Перед Российской империей остро стоял вопрос о сосредоточении в введении одного учреждения сбора и систематизации разведывательной информации, касающейся как жизни мусульман Туркестана, так и соседних государств.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, Туркестан, Бухара, Хива, Афганистан, Кашгар, Центральное разведочное бюро, Русское императорское политическое агентство в Бухаре, Туркестанское районное охранное отделение, разведка, контрразведка.

1908–1910 гг. были для Российской империи своеобразным рубежом, после которого «мусульманский вопрос» стал расцениваться как угроза целостности и безопасности государства.

После Андижанского восстания 1898 г. в Петербурге и Ташкенте пересмотрели отношение к «мусульманскому вопросу» в Средне-Азиатском регионе. В их представлении он еще не соединился с общеимперским «мусульманским вопросом», тем более с мировым, и существовал сам по себе. С 1905 г. в крае заговорили не просто о «мусульманском вопросе», а о «татарской угрозе», а после младотурецкой революции 1908 г. стали подразумевать еще и «протурецкие настроения». Последнее означало наличие угрозы не только изнутри, но и извне.

Несмотря на такое расширение понимания «мусульманского вопроса», имперская власть не предприняла никаких серьезных шагов по нейтрализации этой угрозы, хотя комплекс предполагавшихся мероприятий был обширен.

В 1909 г. в Стамбуле было основано Научное Бухарское общество, которое являлось органом отдела народного просвещения младотурецкого комитета «Единение и Прогресс». При его посредстве турки в Бухаре и Кашгаре вербовали учеников для военных и других пра-

вительственных османских школ. По донесениям Российского императорского посольства в Стамбуле, помимо общей программы ученикам внушались «все ходячие идеи панисламизма и турецкого шовинизма»¹. Отучившись в этих школах, молодежь возвращалась на родину и становилась ретранслятором идеологии младотурок для своих соотечественников.

В начале 1910 г. МИД России получил сведения о плане Порты по сбору средств «на усиление армии и флота», что не могло не настояжить российскую сторону. В МИД и МВД с большой долей вероятности полагали, что в случае военного столкновения с Османской империей приверженцы ислама в России встанут на сторону «братьев-мусульман».

В августе 1910 г. дипломатический чиновник при генерал-губернаторе в секретном сообщении информировал Туркестанское районное охранное отделение (ТРОО), что, по сведениям МИД, замечается усиленная панисламистская деятельность младотурок в отношении многочисленного мусульманского населения империи. В Россию и Бухару под видом купцов и паломников посланы опытные турецкие эмиссары².

Но и без турецких шпионов положение дел в Хиве и Бухаре вызвали в Петербурге все больше беспокойства. Политическая ситуация особенно в Бухаре серьезно влияла на ситуацию в Туркестанском крае. В 1910–1914 гг. между Петербургом и Ташкентом велась серьезная дискуссия о дальнейшей судьбе Бухары и обоснованности сохранения даже пусть и формальной, но все же ее независимости.

Туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов настаивал на скорейшей ликвидации вассалитета Бухары как «главного очага мусульманства в Туркестане» и непосредственном включении ее территории в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Однако в Петербурге сочли пока нецелесообразным что-либо менять в «патриархальном быте» Бухары, опасаясь вызвать активизацию враждебных России настроений, как среди туркестанских мусульман, так и за рубежом.

За время нахождения в должности главного начальника края (весна 1909 – лето 1914 г.) генерал Самсонов проявил серьезный интерес к «мусульманскому вопросу». 8 августа 1909 г. он сообщил лично председателю Совета министров П. А. Столыпину о «неспокойствии» в крае и «подъеме» в местной мусульманской среде³. Кроме того, на срок его службы пришлось два крупных восстания в Бухаре и в Хиве.

Говоря о Бухарском эмирате, необходимо отметить, что важнейшую роль в вопросах, связанных с российско-бухарскими отноше-

¹ НА РУз. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 18.

² Там же. Ф. И–3. Оп. 2. Д. 155. Л. 4–6.

³ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 221–222.

ниями, со стороны Российской империи играли три министерства: Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел и Военное министерство. Нередко их интересы вступали в противоречие, и достичь консенсуса становилось невозможно, даже несмотря на очевидный ущерб, который наносился государственным интересам. Кроме того, расхождение взглядов на решение той или иной проблемы как следствие несовпадения интересов могли возникнуть в рамках одной корпорации, например военного министерства, между начальником Главного штаба и туркестанским генерал-губернатором.

Как уже отмечалось, 1910 г. стал для Российской империи своеобразным рубежом, после которого на самом высоком государственном уровне стали очень серьезно относиться к «пробуждению Востока». Наблюдения и сбор информации об общественных настроениях мусульман не только в пределах самой империи, но и в ее среднеазиатских протекторатах (Бухаре и Хиве) и даже за ее пределами (в Персии, Афганистане и Кашгаре) становится важнейшей политической задачей. И если мониторинг ситуации внутри империи возлагался на МВД, в Бухаре и Хиве, а тем более в Персии, Афганистане и Кашгаре этим должен был заниматься МИД. При этом руководство Туркестанским генерал-губернаторством осуществлялось военным министерством, вернее, его специальным структурным подразделением – Азиатской частью Главного штаба.

Канцелярия генерал-губернатора на краевом уровне была главным потребителем разведанных. Кто собирал информацию, и как она попадала на стол к генерал-губернатору?

Информацию собирали разведчики (в том числе выходцы из среды коренного населения) Туркестанского районного охранного отделения (ТРОО). Чаще всего эти донесения не имели никакой ценности, были написаны безграмотно или плохо переведены на русский язык. Несравнимо лучше была организована работа в Российском императорском политическом агентстве в Бухаре (РИПА) и русских консульствах в Персии. Там работали настоящие разведчики и профессиональные переводчики. Однако их донесения попадали на стол генерал-губернатора или начальника Штаба Туркестанского военного округа после ряда бюрократических препятствий.

Зачастую информация безвозвратно утрачивала свою остроту и актуальность, дойдя до генерал-губернатора. К тому же, продолжая считаться по переписке «секретной», информация просачивалась в прессу и беспрепятственно обсуждалась на страницах русских и иностранных газет. Разведанные интерпретировались столько раз, через сколько рук они прошли.

И без того неблестящую ситуацию с политической разведкой осложняло еще одно обстоятельство. Отсутствовала серьезная работа с мусульманской прессой Кавказа, Крыма, Поволжья, Персии, Афгани-

стана и Турции. До наших дней сохранились объемные архивные дела, в которых собраны вырезки из самых разных газет, как общероссийских, так и местных. Однако не понятно, кто и как ее анализировал и анализировал ли вообще.

Был ли выход из создавшейся ситуации? Бесспорно: сосредоточение в введении одного учреждения сбора и систематизации разведывательной информации, касающейся как жизни мусульман Туркестана, так и соседних государств.

Таким учреждением могло стать Центральное разведочное бюро. Идею его создания предложил в 1908 г. управляющий Канцелярией туркестанского генерал-губернатора полковник В. А. Мустафин. Бюро вполне могло существовать при Канцелярии. Агентами могли быть разведчики из числа местных мусульман. Их же можно было использовать для сбора информации в Туркестане, Бухаре, Хиве, Афганистане и Персии¹.

Район, охваченный такой разведсетью, простирался бы от берегов Каспия до границ Китая и Индии и от Сырдарьи до Белуджистана. Причем для оперативности донесения могли посылаться в Ташкент на языке оригинала, без перевода на русский язык. В Бюро полученная информация сортировалась бы и переводилась. Сотрудникам Бюро следовало самым пристальным образом следить за мусульманской прессой. Составленные на основе разведанных и мусульманских газет ежемесячные обзоры формировали бы более реальную картину.

Половину сотрудников Бюро составляли бы военные, половину гражданские лица, что позволяло обеспечивать планомерность разведывательных действий, знание настроений и религиозно-политических запросов мусульман Туркестана, Бухары, Хивы, Афганистана, Персии, Кашгара.

На организацию Бюро одновременно требовалась немалая сумма – 30 тыс. руб. Кроме того, ежегодные расходы составляли бы порядка 20 тыс. руб. Неизбежным было и внесение поправок в Положение об управлении Туркестанским краем. Создание Бюро привело бы, к упразднению разведки Штаба Туркестанского военного округа и должности дипломатического чиновника, а следовательно, к значительному сокращению расходов².

Идею В. А. Мустафина поддержал туркестанский генерал-губернатор П. И. Мищенко. 7 апреля 1909 г. военный министр генерал В. А. Сухомлинов сообщил о предложениях П. И. Мищенко сенатору К. К. Палену. Сенатор их не поддержал (у него с Мищенко сложились очень напряженные отношения во время ревизии края)³. Поэтому ини-

¹ НА РУз. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 540. Л. 10 об. – 11.

² Там же. Л. 11 об.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5064. Л. 4 об.

циативы Мищенко просто «приняли к сведению». Новый туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов сразу напомнил о предложениях своего предшественника, полностью их поддержав¹.

Между тем обстановка требовала самых неотложных мер. И судя по тому, как стал действовать военный министр Сухомлинов, идея Мустафина–Мищенко ему показалась полезной. Министру не хотелось просить денег, действуя официальным путем через вынесение вопроса на рассмотрение Государственной думы, он рассчитывал обратиться напрямую в Совет министров с просьбой предоставить Туркестанскому генерал-губернаторству кредит в сумме около 20 тыс. руб. из фонда, предназначенного для «непредусмотренных сметами экстренных расходов»².

Спустя несколько месяцев сумму скорректировали до 15 тыс. руб. В январе 1911 г. Министерство финансов согласилось и даже красиво сформулировало, на что нужны эти деньги: «на известное его императорскому величеству употребление»³. Это означало, что временный розыскной пункт ТРОО в Бухарском ханстве мог появиться уже в 1911 г.

5 марта 1911 г. генерал Самсонов утвердил «Положение об учреждении при ТРОО временного отдела для розыска и исследования противогосударственного политического движения в Бухарском и Хивинском ханствах и соотношений сего движения к мусульманскому населению Туркестанского края». Главная задача временного отдела заключалась «в возможно тщательном выяснении истинного положения дел в Бухарском ханстве именно в отношении проявлений враждебных русскому влиянию политических течений»⁴.

После долгого молчания министр внутренних дел, он же по совместительству председатель Совета министров, П. А. Столыпин 25 апреля 1911 г. наконец сообщил генералу Самсонову «свои сомнения»: организуемый в ханствах розыск предполагается использовать не только в целях выяснения лояльности или нелояльности мусульманского населения, но и для борьбы с военным шпионажем, что не входило в компетенции МВД и напрямую касалось ведомства, возглавляемого генералом Сухомлиновым. При этом отделение контрразведки в ТуркВО, конечно, было⁵.

Петр Аркадьевич справедливо предполагал, что у ТРОО в ханствах отсутствует своя агентурная сеть, и чтобы ее организовать, понадобится несколько лет. Раз так, то созданный специальный отдел ТРОО будет несколько лет бездействовать и впустую расходовать ка-

¹ Там же.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 22–22 об.

⁵ Там же. Л. 25 об. – 26.

зенные деньги. Получался замкнутый круг: Самсонов и поддерживавший его Сухомлинов просили деньги как раз на обзаведение этой самой агентурной сетью, а Столыпин считал, что деньги можно выделить только в том случае, если сеть уже существует.

Письмо Столыпина от 25 апреля 1911 г. произвело на генерала Самсонова такое ошеломляющее впечатление, что он даже не удостоил Петра Аркадьевича ответом. В итоге в 1911 г. на разведку в ханствах было израсходовано всего 3 тыс. руб., в 1912 г. оставшиеся 12 тыс. вернули в государственную казну¹.

Спустя два года, 27 марта 1913 г., начальник ТРОО в секретном донесении директору Департамента полиции делился интересными, а главное, свежими, мыслями о том, что «ведение агентуры из Ташкента ослабляет продуктивность работы», поскольку сведения всегда запаздывают, разработку их приходится производить при участии сотрудников РИПА в Бухаре, совершенно не владеющих приемами политического сыска и конспирации. Кроме того, большинство задействованных агентов плохо владеют русским языком, так что понять секретного сотрудника при личной встрече сложно, а при разборе письменных донесений совсем невозможно².

В свою очередь туркестанский генерал-губернатор и политический агент в Бухаре считали сотрудников ТРОО абсолютно не подготовленными к работе с мусульманским населением в силу незнания восточных языков и непригодности приемов политического сыска, сформировавшихся в борьбе с левыми революционными партиями в России.

Между тем то, ради чего велась эта переписка уже несколько лет на самом высоком уровне, – улучшение качества работы по сбору информации о настроениях мусульманского населения Туркестана и соседних с ним государств – осталось на прежнем уровне.

В мае 1913 г. один из высокопоставленных чиновников МВД, тайный советник А. И. Лыкошин, писал военному министру Сухомлинову, что согласно донесениям начальника ТРОО «антирусское движение» в Бухаре и вообще в Туркестане усиливается, тогда как эффективность работы отделения, осуществляемая из Ташкента, из-за больших расстояний и невозможности дистанционного руководства агентурой, заметно падает. Лыкошин предлагал учредить розыскной пункт в Новой Бухаре как в городе, самом близком к эмирату, и замаскировать его, чтобы не вызвать подозрений у эмира, под розыскной пункт железной дороги Старая Бухара – Каган (Новая Бухара)³.

¹ Там же. Л. 28.

² Там же. Л. 36–36 об.

³ Там же. Л. 33–33 об.

Сухомлинов, наученный горьким опытом, решил действовать по правилам бюрократической игры и предложил обсудить вопрос с привлечением третьей заинтересованной стороны, то есть с МИД¹.

Позиция военного министра отличалась от позиции МВД и туркестанского генерал-губернатора. 8 августа 1913 г. генерал Сухомлинов направил письма в МИД и МВД с предложением встретиться и обсудить создавшуюся ситуацию. От Военного министерства в переговорщики был назначен начальник Азиатской части Главного штаба генерал-майор С. В. Цейль.

30 августа 1913 г., пришел ответ МВД, которое, ссылаясь на отрицательную реакцию МИД, также не считало необходимым учредить в пределах Бухарского ханства филиала ТРОО².

Стоит отметить, что МИД так и не удостоил генерала Сухомлинова ответом. 30 апреля 1914 г. Азиатская часть отправила в МИД напоминание³. Ответа не последовало. 29 января 1916 г. – еще одно⁴, 15 апреля 1916 г. – еще. МИД молчал⁵.

Это история – хрестоматийный пример того, как начинание, даже одобренное и поддержанное поначалу «на самом верху», могло утонуть в трясине ведомственных интересов. Хотя, с другой стороны, осторожность, с которой действовал МИД на территории Бухары, выглядит вполне оправданной.

Интерес к «мусульманскому вопросу» в Туркестане возрастал, однако людей в краевой администрации, хорошо и предметно знакомых с ним, не становилось больше.

Центральное разведочное бюро задумывалось как альтернатива ТРОО. В круг компетенций ТРОО входили: контроль за политической благонадежностью граждан, политических партий и общественных объединений, надзор за иностранцами, мониторинг местной прессы и т. д. Регулярно составлялись сводные отчеты «об антирусском движении в Туркестане», «джадидизме», «панисламистском и пантюркистском движении». До 1910 г. эти сводные отчеты носили благостный характер и являлись своеобразным доказательством желания власти обрести «спокойствие и умиротворение» на окраине после революционных потрясений. Но как гласит восточная мудрость, сколько не говори «халва», во рту слаще не станет.

Конечно, в туркестанской охранке работали профессионалы политического сыска, набившие руку на борьбе с революционными партиями, но что представляет мусульманская среда в Туркестане, они по-

¹ Там же. Л. 34.

² Там же. Л. 42 об.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 45.

нимали очень приблизительно и не могли избавиться от стереотипов в оценке окружающей действительности и методов работы.

С началом Первой мировой войны серьезный анализ ситуации в регионе подменялся сбором базарных сплетен и анонимок «на туземном языке». Такого рода «оперативная информация» ложилась на стол туркестанского генерал-губернатора, военного министра, министров внутренних и иностранных дел.

Ее проверяли и перепроверяли офицеры Азиатской части Главного штаба, чиновники Канцелярии туркестанского генерал-губернатора, Политического агентства в Бухаре и в большинстве случаев очень жестко критиковали.

В 1914 г. туркестанский генерал-губернатор Ф. В. Мартсон так характеризовал работу ТРОО в письме военному министру А. А. Поливанову: «Что же касается разведочной деятельности охранного отделения среди местного мусульманского населения, то за недоступностью ему последнего, она является, безусловно, слабою, и черпает свои сведения из своей жалкой агентуры и уличных разговоров и слухов. Все эти и серьезные и сомнительные доклады и слухи все же, хотя и с осторожностью, учитываются мною и по возможности проверяются через другие источники»¹.

В оценке качества «оперативной информации» ТРОО с генералом Мартсоном солидаризировался управляющий РИПА А. К. Беляев.

Несмотря на это, иногда информации ТРОО доверяли, что нередко приводило к самым печальным последствиям.

Тем временем ТРОО продолжало «отлавливать» то в Туркестане, то в Бухаре афганских шпионов². ТРОО работало не просто топорно. Оно срывало работу целой агентурной сети, имевшейся в пределах Бухарского эмирата у РИПА³. Беляев не просто критиковал ТРОО. Он предлагал выход из создавшейся ситуации. На разведку в Бухаре Политическое агентство получало ежегодно из казны 1500 руб. Это было немного, а хорошая агентура стоила денег. Поэтому он предлагал освободить сотрудников ТРОО от «непосильной работы», а финансирование, ежегодно выделяемое для разведдеятельности ТРОО в Бухаре, передать РИПА⁴.

И так к 1916 г. круг замкнулся. Хотя сложно поверить, что туркестанский генерал-губернатор и министры не знали басни про Лебеда, Рака и Шуку. Предложение Беляева мало чем отличалось от того, за что в свое время ратовали Мустафин, Мищенко и Самсонов. При этом под чьей бы эгидой не функционировало это условное «Центральное разве-

¹ Там же. Д. 5069. Л. 28.

² АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 247. Л. 63.

³ Там же. Д. 836. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 6.

дывательное бюро», самым слабым и некомпетентным звеном в управленческом триумvirате оказывалось Министерство внутренних дел.

Список источников и литературы

1. Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М.: МПГУ, 2004. 288 с.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147. Оп. 486. Д. 247. Л. 63; Д. 836. Л. 5–6.
3. Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 18; Ф. И–3. Оп. 2. Д. 155. Л. 4–6; Ф. И–1. Оп. 31. Д. 540. Л. 10 об. – 11 об.
4. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5064. Л. 4 об. – 45; Д. 5069. Л. 28.

Н. А. Маззев

(Московский городской педагогический университет, Москва)

ЭКОНОМИКА РУССКОГО ТУРКЕСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: К ВОПРОСУ О МОНОКУЛЬТУРАХ¹

Аннотация. Особенность Центрально-Азиатского региона заключается в его делении на два субрегиона: кочевой и оседлый. В тех областях, где процент оседлого населения был преобладающим, активно развивалось земледелие. Этому способствовали климатические условия. Главной сельскохозяйственной культурой оседлого субрегиона, по мнению имперской администрации, должен был стать хлопок. В связи с этим значительный интерес при изучении вопроса природы монокультурной экономики в Туркестанском крае представляют анализ действий администрации по популяризации хлопководства и восприятие их местным населением. Однако климатические условия во всем регионе далеко не везде способствовали развитию хлопководства. В степном субрегионе значительную часть обрабатываемой земли занимали зерновые. Поэтому представляется важным рассмотреть политику империи в отношении развития земледелия в Центрально-Азиатском регионе, а также реакцию на нее местного населения. Установление связи между выгодой от продажи зерна и объемом посевных площадей является одной из ключевых задач исследования.

Ключевые слова: Центральная Азия, монокультура, хлопок, хлопководство, зерновые, земледелие, Туркестан.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162) «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.», реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого. Я выражаю особую благодарность своему научному руководителю Д. В. Васильеву, который своим примером вдохновил написание этой работы.